

ФРАНЧЕСКО ВИДОТТО

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЧЕСТНОЙ ЖИЗНИ

ОНЕСТО

Мои горы — это ты

18+

Франческо Видотто

Онесто

Серия «Имена. Зарубежная проза»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74330816

Онесто: Москва; 2026
ISBN 978-5-389-34639-0

Аннотация

«Онесто» – исцеляющая поэтичная книга, которая учит нас отпускать, чтобы заново открыть для себя жизнь.

Однажды в штормовую ночь из окна своего дома в Доломитовых Альпах начинающий писатель Франческо замечает старика, попавшего в беду, и предлагает ему кров. Так он знакомится с Гвидо Контини по прозвищу Коньяк, чье лицо, словно скалы, испещрено морщинами, а в бездонных синих глазах отражается горное небо.

На следующий день Гвидо Контини показывает Франческо берестяную шкатулку, а в ней – стопку старинных писем, адресованных вершинам окрестных гор. Они написаны мужчиной, называющим себя Онесто, который потерял все, что у него было, но несмотря ни на что считал себя самым богатым человеком в мире.

Письма, полные семейных тайн, ужасных происшествий и торжества жизни, а еще невыразимой любви, которая бурным потоком несется через весь двадцатый век.

Содержание

Один	13
Два	25
Три	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Франческо Видотто

Онесто

*Маринелле, потому что она, как песня,
продолжает жить в сердце.*

*Джасини, Анджеле, Альберто, Этторе,
Витторио и Лучии: потому что они моя семья.*

*Арианне А., научившей меня видеть дальние
горизонта.*

*Гвидо Контину по прозвищу Коньяк, в один
осенний день сказавшему мне: «Правда всегда
немногословна».*

*Никогда не позволяй, чтобы кто-то верил в тебя
больше, чем веришь в себя ты сам.
Один потрясающий школьный Учитель*

Francesco Vidotto
ONESTO

Иллюстрация на фортазе Марии Кьяры Базиль

© 2025 Giunti Editore S.p.A., Firenze-Milano Bompiani
является импринтом Giunti Editore S.p.A. www.giunti.it
www.bompiani.it

© Дроздова П., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУ-КА», 2026

Писать книгу — означает вывернуть себя наизнанку.

Нужен увлекательный сюжет, интересные герои, подходящее место действия, ловко закрученная интрига, но одного этого мало.

Это не значит сесть за стол, открыть блокнот, устремить взгляд на чудесный вид за окном и ощутить прилив вдохновения.

Это значит заново прожить жизнь, где снова будет все: и горе, и радость, и разбитое сердце, и боль потери. Все, что было когда-то пережито.

Это значит плакать, ощущать бешеный стук сердца, мучиться до смерти, беречь старые раны, которые человеческая природа старается затянуть, борясь за собственное выживание.

Если писать и трудно, то как раз поэтому: тебе нельзя позволять своим ранам затягиваться.

Ты должен тревожить и беречь их, чтобы они оставались открытыми, потому что именно из них ты черпал истинные эмоции.

В полной мере переживая, в полной мере заново ощущая свои раны, ты о них рассказываешь.

И все это из острой необходимости сохранить память, не дав забвению одержать верх над скоротечным временем.

Однажды, несколько лет назад, я встретился с директором одного крупного издательства.

Нам нужно было обсудить дату выхода моего романа, и я отправился к нему в Милан. Я приехал туда на поезде, прямым из Доломитов.

Добрых полчаса мне пришлось провести в ожидании в холле на первом этаже грандиозного здания из стекла и бетона.

Этот холл был просто огромным! При желании в нем бы целиком поместилась вся моя деревня.

Некоторое время спустя меня проводили в кабинет директора, располагавшийся на шестом этаже.

Он поднялся с места, встречая меня.

На нем был строгий серый костюм, но при этом броский яркий галстук, надетый словно для храбрости.

Приветливо улыбнувшись, он пожал мне руку и пригласил присесть.

Я видел его впервые в жизни.

– Знаешь, я ведь тоже хотел быть писателем, – так он начал наш разговор. – Я представлял, как сижу на террасе на берегу океана, лицом к морю, обдуваемый легким ветерком, который доносит аромат лимонного деревца, растущего неподалеку, но затем моя судьба сложилась иначе.

– Именно поэтому вы и не стали писателем, – откликнулся я.

– Ты так думаешь?

– Уверен. Книжки пишутся не на террасе с видом на океан, а в мрачном сыром подвале, и поскольку тебе нужно выбраться из этого подвала, чтобы не умереть, ты цепляешься за то, что у тебя есть. Кому-то повезло иметь надежную лестницу, у кого-то есть хорошая работа, у кого-то – семья. А бывает, что у некоторых нет ничего, кроме ручки.

Сегодня первое ноября, и я ходил на кладбище.

Лил дождь, так что, несмотря на День всех святых, я был там в одиночестве.

Священник решил отслужить мессу в церкви, где можно было спрятаться от непогоды: такие уж нынче времена, что пары капель воды люди боятся пуще яда.

Укрывшись под своим красивым, кремового цвета зонтом, я подошел к могиле бабушки с дедушкой.

Я постоял, глядя на фотографию, запечатлевшую их вдвоем в обнимку, рассказал им немного о своей жизни, попросил у них благословения и затем пошел туда, где покоилась прабабушка Тереза. Поздоровавшись с ней тоже, я отправился бродить среди могил, читая даты рождения и смерти, имена и надписи, выбитые на надгробных памятниках, но прежде всего рассматривая фотографии.

Я всегда это делаю.

Вглядываюсь во все эти лица на фарфоровых медальонах – эти губы, эти глаза, полные надежд и воспоминаний.

Бесконечные свидетельства канувших в Лету жизней.

По сути, кладбище – это своего рода словарь, который пишется для нас временем, и каждое лицо здесь представляет свое особое определение слова «жизнь».

Если запастись терпением и научиться его читать, то здесь можно многое для себя открыть.

Погруженный во все эти мысли, я поднял взгляд вверх – туда, где над кладбищенской стеной осень зажгла рою лиственниц желто-оранжевыми всполохами.

Дождь по-прежнему барабанил по моему зонту – все такой же сильный и монотонный.

Казалось, будто небо изливает душу, желая о чем-то мне рассказать.

Гора, мокрая и безмолвная в эти неторопливые месяцы, внушает чувство какой-то необыкновенной близости.

Именно в этот момент у меня и возникло ощущение, будто я слышу голос всех этих людей, которых уже нет на свете.

Голос приглушенный и деликатный.

Почти неслышимый.

– Мы прожили жизнь здесь наверху, – повторял он, – карабкаясь по горам, и никто о нас не расскажет.

Так говорил этот голос, тихими и ясными словами.

В этом шепоте скрывался глубинный смысл писательства, которое по своей сути является последним рубежом для спасения трагически исчезающей памяти.

Когда я вернулся домой, эта фраза все еще звучала у меня в ушах.

В камине пылал огонь. Его разожгла Лучия, коротающая со мной здесь наверху безмятежные дни и годы.

Я сел за свой всегдашний стол – тот самый, что видел, как рождаются все книги, которые мне посчастливилось написать, – достал пачку листов, хранившихся внутри небольшой черной папки, перебрал их и подумал, что наступил момент попытаться дать им новую жизнь. Это будет не так просто, потому что записи все сплошь на диалекте и часто оказывается трудно следовать ходу событий.

И поэтому, вместо того чтобы просто переписать их, как есть, я постараюсь придать им форму рассказа – насколько это у меня получится.

Так что вот он – я: сижу за столом, усеянным всеми этими словами.

Они обрывки истории Онесто – старика, писавшего послания горам.

Он составлял письмо, запечатывал его в конверт, адресовывал его одной из вершин и посылал.

Точка.

И почтальон сходил с ума, потому что не знал, что он

должен делать с такого рода корреспонденцией.

Я как-то слышал об этом от дедушки, когда еще под стол пешком ходил, но потом больше ничего.

За прошедшие годы я не раз пытался узнать о старике у пожилых родственников и друзей, но они уходили от ответа и, если удавалось, резко меняли тему. Никто не горел желанием рассказывать.

Казалось, в этой истории было что-то слишком печальное.

Слишком значительное.

А может быть, слишком неправильное.

Так продолжалось до тех пор, пока мне не довелось познакомиться с Гвидо Контином по прозвищу Коньяк.

Я увидел в окно, как он в жуткий ливень шагает по моей улице – насквозь мокрый и без зонтика.

В тот вечер был настоящий потоп – один из тех, когда вода заливает крутые горные дороги и, струясь, устремляется по ним вниз.

Спустившись, я окликнул его и предложил ему спрятаться у меня от дождя.

– С удовольствием, – согласился он. – Я спрячусь от дождя с удовольствием. Если бы с неба лилось вино, я бы отказался! Однако льется вода.

Один

Много лет назад в деревне Тай-ди-Кадоре был кинотеатр, и изредка по вечерам дедушка водил меня смотреть кино.

Мы ходили туда пешком.

Какие же это были чудесные времена!

Это происходило нечасто, потому что было роскошью, но порой случалось.

Особенно с приходом весны, когда гора пустела и здесь наверху нас оставалось немного.

Он выходил из спальни уже в шляпе, проверял, найдется ли у него в кармане несколько монет, ласково прощался с бабушкой и говорил мне:

– Пойдем посмотрим, что показывают. Хочешь?

Мне тогда было где-то около пяти лет, и я не мог поверить, что это не сон. Я соскакивал с дивана, кубарем слетал по лестнице, прыгая через ступеньку, и останавливался на крыльце под навесом.

Дедушка, не торопясь, шел за мной следом.

– Беги до ворот и жди меня там. Не переходи дорогу один, – говорил он.

И я послушно делал, как сказано.

Я вприпрыжку мчался к калитке и потом, развернувшись, смотрел, как он идет мне навстречу.

Он шел медленно, плавно и осторожно переставляя ноги,

и выглядел всегда элегантно.

При любых обстоятельствах на нем были галстук и пиджак: ремонтировал ли он машину, стриг ли лужайку или просто шел за покупками.

Он не снимал их даже днем, когда после обеда ложился на часик прикорнуть. Кто был с ним знаком, тот знает!

Он не спеша подходил ко мне.

– Будь молодцом, дай мне руку.

И я слушался, потому что так привык.

У него были железные пальцы, плотным кольцом охватывавшие мою руку так, что было невозможно вырваться.

По дороге он внимательно следил, чтобы я от него не ускользнул, потому что, когда рефлексy замедляются, даже самые простые движения становятся невыполнимыми, и он знал, что не сможет догнать меня, если это понадобится.

Так что при виде приближающегося автомобиля его хватка становилась крепче, а дыхание утяжелялось, и он вновь расслаблялся лишь после того, как машина проезжала мимо.

Я вышагивал, перебирая тонкими ножками рядом с казавшимся мне высоченным дедом, и моя голова уже была полна мыслями о фильме.

– Что мы идем смотреть?

– Горы, – отвечал он.

– Ладно тебе, мы же и так все время на них смотрим. – Я весело смеялся. – Правда, что мы увидим?

– Горы. Правда. Очень хороший документальный фильм. Вершины ему никогда не надоедали.

Из окна дома можно было разглядеть пик Роды, и дедушка в любой день года в точности знал, из какой его точки утром выглянет солнце.

Иногда мы устраивались на подоконнике, и он спрашивал:

– Видишь ту седловину там наверху?

– Какую?

– Вон ту, маленькую, рядом с более высокой вершиной?

– А, да.

– В первый день лета солнце выходит ровно посередине между этими камнями, – говорил он.

И каждый год 21 июня¹ солнце невероятным образом ему подчинялось – точное, как хронометр.

Вот и в тот вечер он так же остановился на полпути.

Был май, и дни уже стали довольно длинными.

– Видишь Монтанель там, наверху? – показал он, вытянув вверх палец и слегка сгибая колени в попытке стать ближе к моему росту.

Я задрал голову.

Конец улицы упирался в пустынное шоссе, сразу за ним начинался лес, а затем горизонт заслоняла отвесная каменная стена, уходящая в небо.

¹ В Италии, как и в ряде других стран, смена времен года приурочена к дням равноденствия и солнцестояния, поэтому первым днем лета считается 21 июня. (Здесь и далее прим. пер.)

Именно туда и показывал дедушка.

Вершина горы белела последним снегом попеременно с пятнами зеленых лужаек, расползающимися по ее крутым склонам – в прозрачном воздухе наступающего вечера она виднелась столь четко и ясно, что, казалось, до нее можно было дотянуться рукой.

– Видишь, какая красота? Прекрасное изваяние, сотворенное Господом Богом.

И он снова пустился в путь.

Кинотеатр находился напротив больших зеленых ворот казармы Кальви.

При взгляде на нее сегодня видишь старое заброшенное здание, где обитают одни лишь воспоминания об альпийских стрелках, но в те годы оно бурлило юной жизненной энергией сотен размещавшихся в нем солдат.

Как правило, кинотеатр был битком набит военными в увольнительной, которые толпами торчали здесь, убивая время.

Но только не тем вечером. В кино не было ни души.

Наверное, потому что фильм был документальным.

Не все же питали к горам такую пылкую любовь, какую испытывал мой дедушка!

Хватало и того, что они и так видели их с утра до вечера.

В кассе очереди не было, и мы подошли к окошку.

– Привет, Иво, – поздоровался дедушка.

– Здорóво.

– Два билета. Для меня и моего внука.

Расплатившись, он подошел к автомату со сладостями.

– Хочешь конфету?

Я радостно улыбнулся.

Он купил две: одну мне и одну себе, потому что сладкое он обожал до безумия.

Жуя конфеты, мы отодвинули тяжелую, бордового цвета занавесь: за ней скрывалась деревянная дверь, распахнув которую, мы вошли в зал.

До начала фильма оставалось несколько минут, и все кресла были свободны.

Мы уселись на последнем ряду, ровно посередине.

Дедушка погладил меня по голове, и вот уже высоко наверху вспыхнул луч проектора и на экране появилось изображение.

Спустя почти полтора часа альпийских лугов, диких зверей, горных ручьев, хищных птиц, облаков и скалистых обрывов фильм закончился – по экрану пошли финальные титры, а в зале зажглись висящие на стенах лампочки.

Мир снова сжался, став крошечным.

Только в этот момент я заметил, что мы были не одни.

Рядов на десять впереди нас, почти в самом центре зала, сидел человек в черном: это был священник, дон Джузеппе.

Взгляд его был устремлен на экран, а сложенные на живо-

те руки сжимали молитвенник.

Посидев еще несколько мгновений, пока глаза не привыкли к свету, он поднялся с места и, пробираясь между неподвижно закрепленными креслами, направился в сторону прохода.

Он шел, согнувшись, держась рукой за спинки кресел, стараясь не зацепиться за сложенные сиденья и не упасть.

Дойдя до конца ряда и полагая, что теперь он в безопасности, он выпрямился и его ноги под рясой сделали последний быстрый шаг с намерением оказаться наконец там, где для них было больше простора.

И как раз в этот момент в пустом зале раздался стук его костей, ударившихся о дерево.

Потом проклятие, которое Господь Бог, разумеется, пропустил мимо ушей.

И потом тишина.

Пострадала коленная чашечка дона Джузеппе, врезавшаяся в спинку последнего в ряду кресла.

Молитвенник упал на пол, и дедушка, уже почти дошедший до массивных дверей из лиственницы, через которые нам предстояло снова выйти на улицу, обернулся.

Священник стоял, согнувшись пополам и держась рукой за колено.

– Пойдем поздороваемся.

Подойдя к дону Джузеппе, дедушка подобрал с пола и подал ему Евангелие.

– Не беспокойтесь, Отец, держите.

– Ах, это вы, Леоне. Спасибо. – И он снова выпрямился. –

Мы с вами ровесники, но годы сказались только на мне.

Дедушка улыбнулся, а затем указал на меня.

– Это Франческо, мой внук.

– Сынишка Анджелины? Ух-ты, какой чудный мальчуган, а ну-ка, покажись.

– Иди сюда, будь молодцом, – подозвал меня дедушка.

Я подошел и вцепился ему в руку.

Священник погладил меня по голове и снова принялся массировать колено.

– Если нужно, мы с удовольствием проводим вас до приходского дома, давайте пройдемся вместе, – предложил дедушка.

Вежливость для него была как запах леса: даже если ты его не чувствуешь, он есть всегда.

– Благодарю вас, но в этом нет необходимости. Сейчас все пройдет. И потом, я должен зайти на кладбище, запереть ограду и почистить кенотаф.

Дедушка кивнул и улыбнулся.

– Ну тогда хорошего вечера. Увидимся на мессе.

Мы вышли из кинотеатра и вдохнули свежий вечерний воздух.

Всю обратную дорогу мы болтали, пока не добрались до дома.

У ворот нас ждала бабушка.

Из окна гостиной падал тусклый свет, потому что бабушка, когда оставалась одна, зажигала только маленькую лампочку, чтобы не расходовать больше необходимого: когда тебе случается пережить две войны, на своем опыте учишься, что тратить лишнее всегда неразумно.

Мы вошли в дом.

Хлопая ладошкой по выключателям, я тут же зажег все светильники, и в доме стало светло как днем.

– Молодец, внучок, – сказала бабушка, не рассердившись: когда тебе случается пережить две войны, ты радуешься, что кто-то даже не знает, что это такое – война.

– Скоро будем ужинать, – сообщила она нам, помешивая минестроне.

В ожидании я уселся за стол в гостиной.

Дедушка же открыл дверь в кабинет и тотчас скрылся, хлопнув ее за собой.

Вскочив из-за стола, я прищелкнул глазом к замочной скважине.

Эта комната на мой детский взгляд была восхитительной.

В ней хранились воспоминания всей его долгой жизни: среди них были немногие предметы, привезенные из африканского плена, его циркули времен работы в «Сименс», бережно уложенные в темно-синий бархат футляров, множество черно-белых фотографий его родителей, его жены, его

самого верхом на мотоцикле Guzzi, бесконечное количество писем, написанных от руки правильным ясным почерком, старая пишущая машинка Royal и еще часы-ходики орехового дерева, которые громко отсчитывали секунды, отмечая бег времени.

Он заводил их каждое утро.

А затем, ровно в полдень, сверял их время по бою часов на церковной колокольне.

Я замороженно разглядывал все эти тщательно сохраняемые предметы и поражался, сколько всего было до меня в его жизни.

В этой комнате пахло корнями, и было так восхитительно ощущать аромат своих корней.

Дедушка сидел за столом и перед ним лежала какая-то большая книга.

На носу у него были очки для чтения в костяной оправе: их половинки держались вместе благодаря скобке, искусно закрепленной на перемычке между линзами.

Он починил их, потому что имел привычку ремонтировать все, что ломалось.

Дедушка читал внимательно, водя пальцем по каждому слову.

Вскоре он захлопнул книгу и поднялся, чтобы вернуться в гостиную.

Я отскочил от двери и поспешил сесть на свое место.

Из кухни появилась бабушка, осторожно неся в руках большую кастрюлю; водрузив ее на стол, она разлила мине-строне по тарелкам.

– Ну что, вкусно? – спрашивала она после каждой отправленной мной в рот ложки.

Она вечно волновалась, что я слишком мало ем.

– Ммм! – кивал я. – Очень.

На следующее утро дедушка взял меня с собой на кладбище.

Он частенько туда ходил, потому что его старые друзья все уже были там.

Обходя могилы, он проверял, чтобы цветы были свежими, надгробные плиты – чистыми и чтобы насекомые не свили гнезд в лампадках.

Все его действия были выверенными и практичными, он привычно совершал их одно за другим, но прежде, чем уйти, он всегда подходил к могиле матери и клал руку на железную оградку, как бы ища поддержки.

Он ненадолго опирался на нее, а затем направлялся к выходу.

В этом еле уловимом, сдержанном жесте его большие пальцы пару раз легонько хлопали по железным прутьям, и даже я, всего лишь ребенок, понимал, что свою маму никто и ни в каком возрасте не готов отпустить на небо.

Однако в тот день, прежде чем уйти с погоста, он подозвал меня к себе.

Это было недалеко от сложенной из камней без раствора стены, окружающей кладбище.

Я подошел к нему.

Он смотрел на вкопанный в землю гладкий серый камень без фотографии.

Верхняя часть камня представляла собой рваную неровную кромку, как бы повторяющую очертания горы.

– Вот здесь, Франческо, видишь?

– Что здесь?

– Кенотаф, – сказал дедушка.

– Но это же могила! – воскликнул я.

– Не совсем, – гордо объяснил он.

– Разве нет?

– Нет.

– А почему?

– Потому что здесь никто не похоронен. Это просто памятник. Чтобы помнить. Это памятник жизни, а не ее завершению.

– А что здесь написано? – спросил я, показывая на выбитые на камне с трудом читавшиеся буквы.

Мои горы – это ты.

Он прочел эти слова вслух, ничего больше не прибавив.

Много лет спустя, когда от моего дедушки остались лишь воспоминания и кабинет, полный дорогих ему предметов, я решил разобрать эту комнату, битком набитую вещами, на которых лежала печать времени.

На второй полке книжного шкафа я узнал увесистый том, который он отправился читать тем вечером, едва вернувшись из кинотеатра.

Обложка его была сплошь заклеена пожелтевшим скотчем – стоило до него дотронуться, как он рассыпался под пальцами, как сухое печенье, – но на ней все еще можно было прочесть заглавие.

Il Nuovissimo Melzi – Издательство Валларди

Это был словарь.

И тогда я понял.

Жизнь научила его не слишком многим словам, и «кено-таф» был не в их числе.

Два

Как-то ночью в конце октября 2018 года я резко открыл глаза, разбуженный диким воем за окном.

Разбушевавшийся ветер с силой сотрясал деревянные ставни, а лампочка, висящая на крыльце под навесом, устрашающе раскачивалась.

Лежа на кровати, я слушал ее пронзительный скрип.

Мне не хотелось двигаться, и я наострил уши, пытаюсь понять, который час.

На улице творилось светопреставление.

Вода лилась, как из ведра, которое без конца опрокидывалось с неба на землю.

Дождь хлестал по крыше, лупя по черепице с такой силой, какой я в жизни еще не слышал – так, что весь дом ходил ходуном.

Я сел в кровати, пошарил по стене в поисках выключателя, щелкнул им – и никакой реакции.

Одна темнота. Электричества не было.

Выйдя в гостиную, я подошел к большому окну.

Часы-ходики громко отсчитывали секунды, одну за одной.

Я слегка потянул за шнур жалюзи – ровно настолько, чтобы повернуть полоски, – и устремил взгляд сквозь стекло, стараясь рассмотреть, что происходит снаружи.

Гора погрузилась в крошечную тьму.

Ни фонаря, ни лампочки, ни единого окна, где бы горел свет.

Совершенно ничего.

Грозный рев бури тем временем все нарастал, пока наконец не раздался страшный треск – как будто небо разорвалось – и молния ударила прямо в середину леса.

Голубая вспышка озарила ночной мрак.

И тогда я увидел ветер, который до этого момента мог только слышать.

Высокие, всегда прямые деревья согнулись на одну сторону.

Их трепало с такой силой, что они казались марионетками в руках безумца.

Дождь лил горизонтально, хлеща по стенам, изгородям, по всему вокруг.

Вдруг прозвучал оглушительный раскат грома, пробравший меня до печенок.

Я не мог оторвать глаз от окна.

Судя по доносившемуся вою, ветер усилился.

Я ждал, что ель, росшая у дома, с минуты на минуту рухнет под его порывами.

К счастью, она выдержала.

Другие деревья поблизости ломались как спички, сокрушенные яростью вихря.

Я слышал, как они с треском валятся одно за другим, и за этими безжалостными звуками поднимался рокот реки Бби-

те.

Вздувшись от дождя, она стремительным потоком мчалась вниз в долину, и ее рев присоединялся к общему ужающему концерту.

Еще одна молния ударила вниз, позволив мне увидеть летящий по воздуху кусок кровли, и потом гром, и снова молния – на этот раз наверху, где-то в окрестностях Ведорчи, – отблеск которой озарил для меня гору.

В то время как ураган выл и ревел так яростно, что казалось, будто он хочет уничтожить жизнь, какой мы ее знаем, передо мной в небе явилась она – гора.

Ее скалистый фиолетовый абрис был четко очерчен отблеском молнии.

Слегка скрываясь за облаками, она невозмутимо возвышалась там со всеми своими пиками, трещинами и огромными валунами.

Неколебимая среди вселенской катастрофы.

И ветер пытался сокрушить ее, но безрезультатно, потому что всегда есть кто-то сильнее тебя: как в природе, так и в жизни.

Я перевел взгляд на улицу перед домом, где пузыри воды лопались на асфальте, и там, внизу, заметил какое-то движение.

Мне показалось, что у забора, огораживающего сад, виднеется человеческий силуэт.

Но, как я ни вглядывался, я не мог ничего разглядеть.

Тогда я спустился вниз, двигаясь в темноте с осторожностью, чтобы не споткнуться и не упасть, зашел в гараж, нашел фонарик, лежавший на верстаке из орехового дерева, и, выйдя на крыльцо, включил его.

Устремившись прямо туда, куда я его направил, пучок света прорезал тьму, ветер и дождь.

И озарил человека, который одной рукой держался за забор, а другой крепко прижимал шляпу, не давая ей слететь с головы.

Он передвигался с трудом, сильно наклонясь вперед, чтобы преодолеть ураганный ветер.

– Эй, – крикнул я.

В первый раз он меня не услышал.

– Эй, – попытался я снова.

Он обернулся на свет и, под яростным ливнем той ночи, приподнял над головой шляпу в знак приветствия.

– Зайдите, зайдите сюда! – На случай, если он меня не услышит, я призывно помахал ладонью в воздухе.

Он развернулся и пошел назад, ухватившись за забор теперь уже другой рукой и придерживая шляпу той, что осталась свободна.

Повозившись с калиткой, он вошел и, осторожно ступая, преодолевал ведущую к дому дорожку, пока в конце концов не добрался до крыльца.

Он остановился под хлещущим дождем прямо передо

мной.

Мы стояли, зачарованно глядя друг на друга, — он на улице, а я под навесом.

— Вы насквозь промокли, — сказал я.

— Ну да, вы правы, — ответил он, оглаживая бороду. — Точно подмечено.

— Я бы дал вам зонтик, если бы он у меня был.

— Я бы им воспользовался, если бы вы мне его дали. — И он усмехнулся в усы.

— Может, хотите подняться наверх, чтобы немного обсохнуть, что скажете?

— Скажу: с удовольствием! — согласился он. — Я спрячусь от дождя с удовольствием. Если бы с неба лилось вино, я бы отказался! Однако льется вода.

Сделав еще пару шагов, он наконец тоже очутился на крыльце под навесом.

И затем прошел в дом и стал подниматься по лестнице.

Я поспешно шагал за ним следом, освещая фонариком ступеньки, чтобы он не споткнулся.

Оказавшись наверху, он, как вкопанный, замер посреди комнаты: с него текло столько воды, что на полу образовалась лужа.

Я помог ему снять плащ, выдал домашние тапки и разжег камин.

Темная комната осветилась всполохами пламени.

Предложив ему располагаться, я отправился на кухню, зажег плитку и приготовил для него чашку чая.

Когда я вернулся в гостиную, он сидел на самом краешке дивана, будто боялся его испачкать.

Я подал ему дымящуюся чашку, и он охватил ее обеими ладонями.

У него были грубые шершавые пальцы с крупными ко-
стяшками.

Поднеся керамическую чашку к своей длинной бороде, он приложил губы к краю, осторожно подул и сразу же сделал небольшой глоток.

Потом улыбнулся и поднял на меня взгляд.

В полутьме мне не удалось рассмотреть, какого цвета у него глаза.

– Такой ветер, что кажется, мир рушится, – сказал он, и это было правдой.

Со стороны леса доносился зловещий треск деревьев: их высокие стволы ломались под натиском урагана.

Он оглядывался по сторонам в уютном свете камина.

Я много слышал о нем и много раз видел его в деревне, но мне еще ни разу не доводилось с ним говорить.

– Вы ведь синьор Гвидо Конти́н, верно? – отважился я.

Он кивнул.

– Но люди зовут меня «Коньяк», и для этого прозвища

есть причина. — Его усы растянулись в веселой ухмылке, а затем его внимание привлекла трепалка для шерсти, стоящая рядом с диваном.

— Это моей прабабушки Терезы, — сказал я, заметив его интерес. — Она занималась перенабивкой матрасов. Я нашел эту штуку на чердаке, почистил и теперь использую как подставку для фотографий.

Гвидо Контин по прозвищу Коньяк явно не слушал ничего из того, о чем я ему рассказывал.

Поставив чашку на столик у дивана, он оперся кулаками на подушки, собрался с силами и приподнялся ровно настолько, чтобы можно было подвинуться, не вставая.

И, ерзая по дивану таким образом, он постепенно подобрался к месту, с которого смог достать до трепалки, затем протянул руку над фото бабушки, отодвинул фото бабушки и, пару раз уронив стоявший там же подсвечник, ухватил пальцами маленькую черно-белую фотографию, вставленную в ржавую подкову.

Он поднес фотографию к глазам и большим корявым пальцем погладил лицо на ней, а затем медленно поднял на меня взгляд.

— Я не знаю, кто эта девушка, — почувствовал я нужным объяснить. — Я нашел эту фотографию несколько дней назад, когда забирался на гору. Мы были чуть выше приюта Антелао на плато Пьян-деи-Чаваи, и там, ровно в том месте, где отходит дорога, в выемке скалы, я увидел этот снимок.

Он был наполовину придавлен камнем – оставлен созерцать вечность. И поскольку он уже был потрепан временем, я решил защитить его стеклом и вставить в рамку. Как только буря закончится и погода позволит, я отнесу его туда, где нашел, так что девушка на снимке сможет вновь любоваться восходами и закатами с высоты.

Гвидо Контин по прозвищу Коньяк молчал.

– Я пытался выяснить о ней что-нибудь у друзей, – добавил я. – Но у кого бы я ни спрашивал, никто не узнает ее лица. Там на обороте было что-то написано. Может, ее имя. Но теперь уже ничего не разобрать.

– Челэсте, – чуть слышно выдохнул Гвидо Контин по прозвищу Коньяк: он произнес ее имя, даже не перевернув снимка.

– Так вы ее знаете?

Он держал фотографию, крепко сжав ее большими грубыми пальцами, в которых она почти исчезла, и смотрел на меня снизу вверх из-под густых белых бровей.

– Жена Санто, – прошептал он.

– Санто? – переспросил я, притворяясь, что знаю, кто это.

– Да, именно.

– Так значит, Челесте была женой Санто? – повторил я.

Он кивнул.

– Женой Санто и невесткой Онесто², его брата.

Тем временем Вайя³ – образцовый ураган, обрушившийся той ужасной ночью на провинцию Беллуно, – постепенно стихал, оставляя на земле гектары поваленных деревьев и долину Кадоре в совершенно растрепанном состоянии.

² Среди итальянских имен много «говорящих»: так, имена героев, будучи переведенными дословно, значат «честный, порядочный» (Онесто), «небесная» (Челесте) и «святой» (Санто).

³ Вайя – ураган, бушевавший в Европе (Франции, Италии, Хорватии, Швейцарии и Австрии) в октябре-ноябре 2018 года. В Доломитах и, в частности, в провинции Беллуно, где разворачивается место действия романа, он прошел с 26 по 30 октября, оставив после себя сильнейшие разрушения и погубив миллионы деревьев.

Три

На следующий день я постучался в дверь Гвидо Контини по прозвищу Коньяк, но мне никто не ответил.

Он жил в заброшенной железнодорожной будке узкоколейки, по которой когда-то вихрем сновал старенький паровозик «Маллэ», с гордостью древнего фаэтона возивший среди гор немногочисленных туристов.

Я постучался снова, и вновь безрезультатно.

Развернувшись, чтобы идти восвояси, я увидел его вдалеке, направляющегося в сторону дома.

Он медленно приближался.

Заметив меня, он остановился.

И приподнял шляпу в знак приветствия.

– Рад снова увидеться, – прокричал он.

Я тоже поздоровался.

Добравшись до дома, он остановился, опираясь на стену, чтобы отдышаться.

– Следует отплатить вам за вчерашнее гостеприимство, – сказал он. – Проходите, выпьем чего-нибудь.

Он подошел к двери, выудил из кармана связку ключей, выбрал один из них, затем слегка согнул колени и, тщательно прицелившись, с точностью старого снайпера вставил ключ прямым в замочную скважину.

Потом вошел, и я вместе с ним.

Обстановка в комнате, где он жил и ел, была весьма скудной: в центре стоял деревянный стол, у стены притулилась плитка.

– Жена, ну-ка доставай вино и налей нам по стаканчику, – крикнул он.

Но тут же сам достал оплетенную бутылку и наполнил свой стакан.

В мой стакан он плеснул лишь капельку и разбавил до верха водой.

– Жена, разве это вежливо? – проговорил он. – У нас гости, – сказал он в никуда.

– Вы женаты? – спросил я.

В этот момент из-под стола выглянула серая кошка: один глаз у нее был наполовину закрыт.

– Ах вот ты где. – Он погладил ее. – Это Жена. Моя Жена, – сообщил он и улыбнулся. – Однажды она появилась здесь невесть откуда, худая и вся мокрая насквозь. Я предложил ей мою любовь, немного молока, курицы, и она решила остаться, так что как-то вечером я попросил ее выйти за меня замуж. Она ответила «мяу». Вот так мы с тех пор и живем.

Гвидо Контин по прозвищу Коньяк порылся в кармане и вытащил белую тряпочку, в которую было что-то завернуто: ничуть не смущаясь, он развернул ее, взял лежавшую в ней вставную челюсть и сунул себе в рот.

– Я пользуюсь ею, только когда ем или когда разговариваю с кем-нибудь важным. А поскольку ем я мало, а говорю еще меньше, то предпочитаю носить ее в кармане, потому что во рту она быстрее изотрется.

Он снова улыбнулся, на этот раз сверкнув прекрасными белыми зубами.

Поднявшись с места, он достал краюшку черствого хлеба, отрезал крошечный кусочек и обмакнул в вино.

Я сделал большой глоток, размышляя об этих пластиковых зубах, хранящихся в кармане.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.